

и наполнение ее смыслом и красотой. Вне этого контекста нельзя рассматривать произведения писателя, посвященные людям искусства. Именно поэтому они остаются интересными для современного читателя.

Библиографический список

1. В. Сомерсет Моэм. Искусство слова. О себе и других. Online [Electronic resource]. – 2002. – Mode of access: <https://www.litmir.me/br/?b=119928&p=6> – Date of access: 3.09.2022.
2. Моэм У. С «Избранные произведения», в двух томах / Составление и предисловие В. Скороденко. – М.: Радуга, 1985. – 560 с.
3. Моэм, С. Луна и грош. Online [Electronic resource]. – 2014. – Mode of access: http://loveread.ec/view_global.php?id=35929 – Date of access: 18.09.2023.
4. Моэм, С. Пирог и пиво, или скелет в шкафу. Online [Electronic resource]. – 2012. – Mode of access: http://loveread.ec/view_global.php?id=22135 – Date of access: 8.09.2023.
5. Моэм, У. С. Подводя итоги. // Online [Electronic resource]. – 2013. – Mode of access: http://loveread.ec/read_book.php?id=22133&p=1 – Date of access: 4.09.2023.
6. Моэм, С. Театр. Online [Electronic resource]. – 2013. – Mode of access: http://loveread.ec/view_global.php?id=22131 – Date of access: 4.09.2023.
7. Проблема художника и социума в романе С.Моэма «Луна и грош» статья/ В. М. Шелег // Преподавание иностранных языков в поликультурном мире: традиции, инновации перспективы : материалы междунар. науч.-практич. online-конференции, Минск, 25 марта 2021 г. / Белорус. гос. пед. ун-т ; редкол.: О. Ю. Шиманская (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2021.
8. Седова, Е. С. Театр У. Сомерсета Моэма в контексте развития западноевропейской драматургии конца XIX – первой трети XX вв. :автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Е. С. Седова. – Екатеринбург : УГГУ, 2010. – 23 с.
9. Смирнова, Е. Т. Модернизм в творчестве У. С. Моэма / Е. Т. Смирнова. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2016. – № 22 (126). – С. 282-285. – URL: <https://moluch.ru/archive/126/34971/> (дата обращения: 03.03.2021)
10. Философские ориентиры Сомерсета Моэма и их влияние на эстетику писателя статья / В. М. Шелег // материалы VIII международной научной конференции «Язык и межкультурные коммуникации» (28 – 29 октября 2021 г., Минск).

О НАЗВАНИЯХ СРЕДСТВ ПЕРЕДВИЖЕНИЯ И ТРАНСПОРТА ПО ВОДЕ В ТЕКСТЕ МЕМУАРОВ XVII ВЕКА ШЛЯХТИЧА Я.-Х. ПАСЕКА

В. Шетэля (Москва, Россия)

Возможность изучения терминологию польского языка в процессе ее развития дают нам литературные источники XVII века, а в нашем случае текст воспоминаний шляхтича Яна Хризостома Пасека (Jan Chryzostom Pasek, 1636 – 1701 гг.), которые записывал он на закате своей жизни, начиная с 90-х годов XVII в.

В воспоминаниях Я. Х. Пасека морские просторы и преодоление этих просторов на разного типа судах дает представление об этих средствах транспорта пассажиров и груза, а вместе с тем художественно и экспрессивно-эмоционально скрашивает это повествование.

Скажем, употребление Я.-Х. Пасеком термина **traft** (от голл. *vacht*, нем. *Fracht*, англ. *freight*) , обозначающего «нанятое судно для перевозки груза или пассажиров», «фрахт» пополняют наши знания не только о торгово-пассажирских перевозках в данную эпоху, а также по факту употребления в польской речи данного заимствования определяются межязыковые связи польского языка и неславянских языков, и вместе с тем определяется роль романо-гер-

манских языков в формировании польской терминологической системы данной тематики в указанную эпоху.

Под датой 1685 г. Пасека неоднократно употребляет термин **traft** в вышеуказанном значении. (Переводы текстов из языка Пасека на современный польский и русский языки здесь и во всех других случаях наши. – В.Ш.).

См.: «Naładowałem wnet dwie szkuty; trafty za[ś] powolej kazałem już bez siebie ładować» (перевод наш: совр. польск.: «Załadowałem wkrótce dwie szkuty; a frachty zaś zarządziłem bez siebie już załadowywać»; русск.: «Загрузил две шкуты; трафты (фрафты) повелел их уже загружать без себя»); «trafty za mną przyszły czernastego dnia» (польск.: «frachty za mną przyszły po czernastu dniach»; русск.: «трафты (фрафты) за мной пришли четырнадцатого дня»); «do Gdańska [trafty] mniej szły dni niżeli szkuty, z tej racyjej, że już były wiatry owe, co przeszkadzały skutom, ustały, kiedy trafty od pala wychodziły» (совр. польск.: «do Gdańska szły mniej dni niż szkuty, z tego powodu, że wiały nieprzyjające wiatry, które przeszkadzały płynąć skutom, przybyły, kiedy frachty już od przystani odbijały»; русск.: «в Гданьск меньше дней шли чем шкуты, по той причине, что уже тогда были ветры такие другие, которые мешали шкутом, причалили, когда трафты (фрафты) уже от пристани отходили») [18, s. 136].

Сам контекст определяет значение слова **traft**, которое в современной польской форме **fracht**, а в русской **фрафт** «начиная с Петра I» [Фасмер 1987, т.4, с. 206], а в современной трактовке значения в русском словаре, что совпадает с польским пониманием термина, формулируется как: «плата за перевозку грузов или пассажиров морским путем или за пользование морскими судами по договору (чартеру)» [1, с. 487].

Отметим, что употребленное Пасеком, вместе с **traft**, наименование **szkut** в польском языке известно с XV в. от немецкого Schute [14, s. 550].

По словарю русского языка термин **шкют** обозначает «плоскодонное грузовое речное судно», также как и в «польск. **szkut**, заимств. из нидерл. **schuit**, ср.-н.-нем. **schute**» [9, т. IV, с. 451].

Указанные выше факты употребления слова **traft** являются далеко не первыми такими употреблениями в польской речи, поскольку термин этот употреблен и в поэтической строке Яна Кохановского на сто лет раньше Пасека (годы жизни поэта: 1530–1584). См.: «Na każdy rok pływając do Gdańska z traftami, Widzicie gęste miasta i zamki budowne» – «Ежегодно заплывая в Гданьск с трафтами. Увидите там много городов и каменные замки» [15, т. 1, s. 66].

Интересно, что употребляемую довольно длительное время форму **traft** не отметил А. Брюкнер, который в своем словаре указал на современную ему и нам форму **fracht** и давнюю, по его мнению, форму **frocht** (от нем. Fracht) [14, s. 127].

По-видимому, эта форма **frocht** не была уж так и «давней» по сравнению с **traft**, или же, каждая из них представляла собой переходную форму в период становления этой единицы в плане фонетическом и словообразовательном этого в польской терминологии.

Новым у Я. Кохановского являлось слово **fracht (frocht, traft)** и, скажем, термин **brant** для обозначения высокой марки металла.

Любопытно, что у Яна Кохановского, проживающим на столетие раньше Я.-Х. Пасека, в Псалме № 12 употреблен термин **brant** в переносном смысле «искренности и благостности слова Бога».

См.: «Pańskie słowo brant szczeru, siedm kroć przelewany» – «Слово Господа искренний брант семь раз переплавленный (очищенный)» [15, т. 2, s. 29].

В словарице к томам Кохановского термин **брант** поясняется: «**Brant** – czyste, przetopione złoto lub srebro» – «**Брант** – чистое, переплавленное золото или серебро» [15, т. 3, s. 323].

Термин **brant** – совр. рус. **бренд** в XVI веке имел отношение к благородным металлам, степень чистоты которых являлся эталоном торговой марки (бренда).

Ян Кохановский понимал значение этого заимствованного слова, употребив слово **brant** в переносном значении для оценки божьих помыслов.

Интересно, что этот технический и торговый термин употреблен в псалме – церковном тексте. Впрочем, известно новаторство Я. Кохановского в создании подобных текстом с участием новых слов на польском, а не только на латинском языке. Подробнее о терминологическом новаторстве в произведениях Я. Кохановского см. в нашей статье «Средства религиозного выражения в переводе на польский язык псалмов «Psałterza Dawydów» [«Псалтыря Давыдова»] поэта XVI века Яна Кохановского» [10].

Я.-Х. Пасек термином **brant** в своих мемуарах не пользовался ни в прямом, ни в переносном его значении. Но у него под 1659 г. отметим название ладьи хорошо известной российским путешественникам по Венеции.

А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Н. В. Гоголь, И. С. Тургенев, В. Брюсов, И. А. Бунин, Б. Л. Пастернак и их персонажи совершают в разное время плавание **гондолой** – «легкой лодкой, употребляемой на венецианских каналах» [2, с. 145]. Впечатлениями от этого плавания авторы делятся в своих поэтических произведениях. Подробнее, см., напр., нашу статью на эту тему [11].

Под 1659 г. Я.-Х. Пасек сообщает о использовании им **gonduly** – **гондолы** – «небольшого морского судна» не в целях развлекательной прогулки, а как простого средства преодоления морских просторов Балтики.

«Wysłuchałem mszej świętej we środę, wsiadłem w też gondulę i pojechałem. Alemż się już trzymał nad ładami, bo nie masz niebezpieczeństwa i małym statkiem po morzu jechać, byle niedaleko od ładu» – «Выслушал святую обедню в среду, сел в эту гондолу и поехал. Но на этот раз держался суши, потому что нет опасности, если плыть малым суденышком по морю лишь бы у недалекого берега» [18, s. 25].

Здесь нет обычной нам венецианской гондолы, а рассказывается о небольшом судне-гондоле (назван **statek**), который позволяет плыть по морю лишь бы для безопасности придерживаться недалекого берега.

У Пасека довольно часто употребляются названия **statek** (судно) – «торговое или пассажирское судно» и **okręt** (корабль) – «большой военный корабль». Большое торговое судно также может быть названо **okręt (okrętem)**. В таких значениях эти слова употребляются в современном польском языке. Правда, носители польского языка часто не видят разницы в употреблении этих наименований, часто употребляют слова без разбору, а также поясняют взаимно одно слово другим. Скажем, в словаре В. Борыся (W. Boryś) в статье на слово **statek** дано его определение – «**statek**, jednostka pływająca, **okręt**» [13, s. 576]. Подобное употребление этих слов кроется, вероятно, в самой их этимологии.

Интересно, что термины рус. **корабль**, польск. **statek** вошли в современную космическую терминологию в каждом из языков: **космический корабль**, а в польском языке это «судно» – **statek kosmiczny (statek)**, но не **okręt**).

В. Борысь слово **statek** выводит от слова «**naczynie**» – «**посуда**» [13, s. 576]. Действительно, часто слышим такое высказывание, в котором слово **statek** употреблено, но только в множ. числе **statki**: po obiedzie gospodyni myje **statki** – после обеда хозяйка моет **посуду**.

Слово **okręt** выводят от праславянского *o(b)kręťъ „to co jest kręczone, plecione” > „plecione naczynie” > „naczynie w ogóle” > „pojazd wodny, statek” – «это то, что скручивают, плетут» > «плетена посуда» > «посуда вообще» > «водное средство плавания, судно (statek)» [13, s. 576].

А. Брюкнер считает, что **okręt** и прилагательное **okrętowy** в польском языке с XVI в. от глаголов действия: «to, czym się kręci, steruje» – «это то, чем крутят, рулят» [14, s. 377–378].

Этимология слов **statek** и **okręt** тесно связан друг с другом.

Интересно понаблюдать как термины **okręt** и **statek** употреблены в прозе Я.-Х. Пасека, а как оно функционирует в поэзии XVI в. у Яна Кохановского, и в поэзии XIX в. у Адама Мицкевича.

Напр., у Пасека: «do samych bulwarków okręt wielki wojenny nie przystąpi, chyba te małe okręty kupieckie, szmagi; trzeba tedy było do okrętu wozić się. Tak tedy siedliśmy w barkę» –

«к самому бульвару (порта) большие военные корабли не причалют, только малые купеческие корабли, шмаги, доставят людей к кораблям. Сели мы тогда в барку» [18, s. 26]. Здесь, как видим, слово *okręt* употреблено и для большого военного корабля, и для купеческого судна.

Употребленное здесь слово в множ. ч. **szmagi** – **шмаги** – малые купеческие судна, а **барка (barka, statek)** – это вспомогательное судно, при помощи которой пехота из неглубокого порта была доставлена на корабль.

А. Брюкнер указывает на немецкое происхождение названия **szmaka** ед. ч. [14, s. 378]. В словаре Фасмера имеется глагол **шмагать** – «хлестать, бить», **шмагнуть** – «бросить» [9, т. IV, с. 458], в польском *smagnać, śmagnać* – «хлестнуть», которые не представляют собой случай этнонима для купеческого судна **szmaga (-i), szmaka**.

У Пасека имеются и названия, этимология которых не всегда прозрачна. Напр., по описанию битвы шведов против датчан с голландцами под *Фридеризант (Fryderyzant)* 23 июля 1659 г., а также по самому контексту видно, что шведская **garuga** обозначает гребную галеру, используемую при транспорте войск в случае штиля на море. Парусные корабли не могли быть использованы при безветрии.

«Już tedy widzieli Szwedzi swoje okaleczenie i szkodę większą, niżeli uczynili nieprzyjacielowi, zaraz poszli na garugę, bo im już wiatr nie służył tak» – «Уже тогда шведы увидели свои раны и потери побольше тех, которые они причинили неприятелю, сразу сели на гаругу, поскольку ветер не служил им» [18, s. 27].

Здесь Пасек заврался – по правде говоря, описанное поражение флота шведов на самом деле было их величайшей победой.

Здесь же автор употребляет глагол **awizowano** < **awizo** (от итал. *avviso*) – «авизо, небольшое военное судно, разносящее приказание» [2, с. 7], «извещение о взаимных расчетах», а у Пасека в значении «предательского сообщения» (об отсутствии войск на кораблях и попытке захвата их шведами).

«Szwedzi też dowiedziałwszy się, że przy tych okrętach mało potęgi, poszli ich brać jako swoich własnych. Doszli, że Szwedów o tym awizowano z wojska brandenburgskiego» – «Шведы, узнав, что на кораблях мало войск, пошли их брать как собственные. Дознались, что шведам об этом сообщено из бранденбургских войск» [18, s. 26].

Вместе с тем в тексте воспоминаний встречаются единицы славянского происхождения. Название **czołn** – (русск. **челно**) в тексте воспоминаний Пасека употреблено в форме и в соответствии со значением, какое оно имело в польском языке XV – XVII вв.: «**czółno** – łódź wydrążona z jednego pnia...; łódka stara, prymitywnie zrobiona» – «**челно** – лодка выдолблена из одного пня ...; старая примитивно сооружена лодка» [13, s. 100].

А. Брюкнер считает, что **czółno, łódź** и **okręt** в ряду многих других этой тематической группы являются единственными чисто польскими названиями, правда, автор находит «немного странным в плане словообразования» слово **okręt** [14, s. 377–378].

Вероятней всего **czołn** у Пасека должен был представлять собой нечто более высокого класса плавсредством, добавочно навеянном поэтическим смыслом, а в действительности ладья, которая была выделена ратману иначе, как **челном** в значении «старая примитивно сооружена лодка» назвать нельзя. См.: «rotman zły miał czołn i starał się sobie o inszy» – «*ротману* достался плохой челн и он старался для себя достать другой» [18, s. 136].

Тем не менее **czołn** или **czółno** представляет собой довольно высокого класса ладью, часто используемую в военных целях. Такой она представлена в романе Г. Сенкевича «Огнем и мечом», созданном в конце XIX в., а историческим фоном которого являются события XVII в., т. е. времена жизни Я.-Х. Пасека.

Роман Сенкевича неоднократно переводился на русский язык. В них мы находим названия типа **czajka** – **чайка**, **bajdaki** – **байдаки**, **czółno** – **челн**, а также слова, не имеющие формального соответствия в польском языке, напр.: **pidjazdka, podjazdka**, переводимые как **лодочки**.

См., употребление **czółno** у Сенкевича: «A ponieważ przeciągnięto na tę stronę wszystkie bajdaki, czółna i podjazdki, więc i zbiegowie z drugiego brzegu nie przybywali do Czehryna» [19, s. 254] и «А поскольку все байдаки, челны и лодчонки были отведены к чигиринскому берегу, то и беглые с берега заднепровского в Чигирин добраться не могли» [7, с.158].

Эти строки авторитетного историка и романиста, каким был Г. Сенкевич, могут свидетельствовать о том, что **czółno** представляло собой довольно надежное судно, используемое для перевозки людей и грузов.

Другим типом ладей, из упомянутых Пасеком, является **dubas**, название которого в тексте под 1685 г. Этот год Великого сейма в Варшаве был неурожайным, поднялись цены на овощи и зерно «... o czym ja dowiedziawszy się, kazałem naładować dubas jęczmieniem i grochem, na którym poszedłem sam, i zerwałem przecie pieniędzy od Wielgopolaków in Maio» – «... о чем узнав, велел загрузить дубас ячменем и горохом, на котором пошел я сам, и сорвал я куш от Великополян в мае» [18, s. 134].

Транспорт припасов занял ему неделю, ту недели, потом которой ему не хватило, чтобы повторить рейс, о чем он очень жалел.

По тексту видно, что **дубас** является **ладьей, челном** вполне надежным для транспорта такого деликатного продукта как зерно и горох. Это не простая выдолбленная в пне дерева «лодка-однодеревка» [9, т. 1, с. 548], а что-то более грандиозное, если взглянуть в словарь В. Даль.

Дубас или иначе **дуб, дубок** – «южн. челн, лодка, струг однодеревка, долбушка; дуб с наделками, по Бугу и Днепру, поднимают 150 до 700 чтв. хлеба» [4, с. 498]. Пасек мог двоить, а то и поставить борт в борт несколько таких ладьей, что увеличивало площадь такой лодки.

Такие моменты в воспоминаниях о использовании барж, челн, ладей в торговых, а не военных, целях, очень радуют автора.

Пасек вздыхает: «straszna jest wojna na ziemi, ale daleko straszniejsza na morzu» – «страшна война на земле, а более она страшна на море» [18, s. 27].

Возможно, что в поэтической строке Я. Кохановского и А. Мицкевича борьба о выживание парусников с природной стихией не столь страшна.

Яном Кохановским на столетие раньше Я.-Х. Пасека употреблены слова **okręt, statek**, в ед ч. **łódź** (мн.ч. **łodzie**) – **ладья**.

Okreт. О кораблях на Висле в поэтической строке: «A do morza przychodząc drze się na trzy części Tam okręty, a przy nich delfinowie gęści Po wierzchu grają połyskując złotem: Brzegi bursztynem świecą» – «А к морю приближаясь делиться на три части Там корабли, а при них дельфинов густо Под поверхностью играют поблескивая золотом: Берега янтарем светятся» [15, т. 1, s. 89].

Statek. Łódź. «Lody zesły, a po czystej wodzie Idą statki i ciosane łodzie» – «Льды сошли, а по чистой воде Идут судна и тесаные ладьи» [15, т. 1, s. 266].

Я. Кохановский употребляет, в отличие от Пасека, у которого их нет, стилистически высокие названия, такие как: **nawa – неф, korab' – Ноев ковчег**, что обусловлено мифологической и библейской тематикой его поэтических произведениях. В словарики к трем томам произведении Я. Кохановского слово латинского происхождения **nawa** поясняется: «łódź, statek» [15, т. 3, s. 332]. По двуязычному польско-русскому словарю Стыпулы – **Nawa – неф** [8, с. 255].

В поэме «Muza» («Муза») слово **nawa** (Р. п., ед. ч. **naw**) употреблено в связи с Троянской войной.

«Nie pierwszy Agamemnon tysiąc naw prowadził, Nie raz Troja burzona» – «Не первый Агамемнон тысяч неф вёл, Не первый раз Троя разрушена» [15, т. 1, s. 139].

В Песне VIII: «Fortuna nawy na morzu sprawuje, Fortuna w bitwach zwycięstwem szafuje» – «Фортуна неф на море проверяет, Фортуна в битвах победами обдаривает» [15, т. 1, s. 321].

Термин **nawa** – **неф** в данных употреблениях вполне уместны. В современном польском языке **nawa** чаще всего в архитектурном значении, скажем, при описании интерьера храма.

Для XVII века название корабля **korab'** обладало в польской речи уже оттенком историзма, но его употребление обусловлено библейской тематикой и самим церковным форматом поэтического произведения.

Тема всемирного потопа и Ноев ковчега (польск. **arka** – арка) позволила использовать Кохановскому слово **korab'**, хотя автор мог употребить в данном словосочетании слово **arka** – **arka Noego**. Подробнее об этимологии слова **arka** от лат. **arca**, см., у А. Брюкнера [14, s. 6].

«Ten [Noe], będąc z łaski Pańskiej ostrzeżony, Zbudował sobie korab' niezmierny, Na którym pływał czasu złej przygody Po wierzchu wody» – «Этот [Ной], будучи по Божьей милости предупрежден, построил себе ковчег непомерной величины, На котором плавал во время плохого приключения По поверхности воды» [15, t. 1, s. 310].

Не припоминаем, чтобы Адам Мицкевич употреблял все представленные здесь названия в подобном мифологическом и библейском формате. У Мицкевича находим другое не менее интересное: **statek, wóz** – **возок, łódka** – **ладья, okręt** и **statek** в переводе – **корабль**, при помощи которых строится стихотворная строка в «Крымских сонетах».

Весь полуостров Крым для А. Мицкевича, что отметил Ч. Милош, это судно с торчащей в нем горой-мачтой – Чатырдагом [17, s. 256].

«Drżąc, muślemin całuje stopy twej opoki, Maszcie krymskiego statku, wielki Czatyrdahy!» [16, s. 32], ср. перевод О. Румера: «Великий Чатырдаг! Дрожа, целует прах Подножья твоего ислама сын смиренный; Ты мачта крымская!» [16, с. 33].

Здесь переводчик избегает названия **statek**. Выражение «мачта крымская» вполне достаточна для отображения моря и степей, как неотъемлемых в пейзаже полуострова.

Простор крымских степей – это живой, движущееся «сухой» океан в состоянии относительного покоя. Это «возок» подобно ладье беспокойно «ныряет» «śród fali łąk szumiących» – «среди волн шумящего луга».

«Wpłynęłam na suchego przestwór oceanu, Wóz nurza się w zieloność i jak łódka brodzi, Śród fali łąk szumiących, śród kwiatów powodzi, Omijam koralowe ostrowy burzanu» [16, s. 8]. Ср.: «Я выплыл на простор сухого океана; Возок мой, как ладья, ныряет по волнам Шумящих буйных трав, минуя там и сям Уступы островов коралловых бурьяна» [16, s. 9]. Простая **лодка (łódka)** в переводе «поднята» до более стилистически высокого **ладья**.

Относительный покой переходит в шторм. А потом опять в тишину.

Спокойствие морского мира наиболее полно передается в поэтической строке высказыванием о «конце „войны“, т. е. бури»; радости от ее завершения, чего признаком является «смех на палубе»; отдыхе матросов; «легком колыхании **корабля (okrętu)**», а также в выражении: «żagle drzemią» – «паруса дремлют».

См.: «Żagle na kształt chorągwi, gdy wojnę skończono, Drzemią na masztach nagich; okręt lekkim ruchem Kołysa się, jak gdyby przykuty łańcuchem; Majtek westchnął, podróżne roześmiało się grono» [16, s. 10] – «Как после бурь войны полотнища знамен, Спокойно паруса на мачтах дремлют голых; Корабль колышется, как на цепях тяжелых; Шум, смех на палубе; матросам сладок сон» [16, s. 11].

Устаревшее в настоящее время наименование матроса, а допустимое во время Мицкевича – **majtek** от гол. **maat, maatje** – «товарищ, коллега, матрос» (современный синоним: **marynarz** от лат. **marinus** – «морской» [6, s. 318]) переводится на русский язык соответственно – **матрос**.

Автор разбирался в морской терминологии, что видно в употреблении терминов **okręt** и **statek**, а в переводе – **корабль**.

В отличие от полных спокойствия, представленных выше фрагментов, сонеты «Żegluga» – «Плавание» и «Burza» – «Буря» полны динамики, которое отображается рядом в выражении как в подлиннике, так и в его переводе.

«Wiatr! – wiatr! – Dąsa się okręt, zrywa się z wędzidła, Przewala się, nurkuje w pienistej zamieci, Wznosi kark, zdeptał fale, i śkroś niebios leci, Obłoki czołem sieka, wiatr chwyta pod skrzydła» [16, s. 12]. Ср.: «Бушует ветер! Вскачь летит корабль все пуще; Кусая удила, ныряет вверх и вниз; Вспененные бока до неба вознеслись, Хватает под крыло он ветер, хлябь секущий» [16, с. 13].

Корабль напоминает скакуна, который недоволен (dąsa się okręt) кусает удила (zrywa się z wędzidła), подымает голову (wznosi kark), топчет волны (zdeptał fale) и все больше напоминает птицу, а вернее, окрыленного скакуна-Пегаса, что выражено словами – śkroś niebios leci, wiatr chwyta pod skrzydła, т.е. «ветер хватается под крыла-паруса». Слова «вскачь», «кусая удила», «хватает под крыло он ветер» – чем не образ окрыленного скакуна – Пегаса?

А может быть, этот символ навеян под сказкой появления во флотах в ту пору новых особых быстроходных парусников-клиперов?

Слово **клипер**, **клипер** от английского слова clipper – «быстрая лошадь; быстроходный парусник», а оно от clip – «разрезать», буквально clipper – «разрезающий (воду и воздух)» [12, с. 160]; «**Клипер** – род купеческого парусного судна, впервые употребленного в Сев. Америке, весьма быстрого по ходу» [6, ст. 484]. Название парусника было на слуху, часто встречалось в газетах того времени, см.: «Клипер бросил якорь на Спитгедском рейде» [3, с. 894].

В грозную переделку попадает подобный парусник в сонете «Буря». Эта катастрофа передается автором выражениями, которые дословно надо бы перевести как: «содраны парусы руль сломан, рычание воды», «зловещие стоны насосов», «кровавый заход солнца, а с ним последняя надежда». Эти моменты у переводчика переданы несколько иначе, от чего, впрочем, общая картина и смыслы сонета не страдают. Тем не менее, в переводе, например, слова **парус (żagiel)**, **руль (ster)**, **канат** (в мн. ч. **liny**) и некоторые другие, кроме **канат**, отсутствуют и заменены общим названием **снасти**.

Ср.: «Zdarto żagle, ster prysnął, ryk wód, szum zawiei, Głosy trwożnej gromady, pomp złowieszcze jęki, Ostatnie liny majtkom wyrwały się z ręki, Słońce krwawo zachodzi, z niemi reszta nadziei» [16, s. 14] – «Все снасти сорваны, шум волн и блеск из туч, Тревожные свистки, зловещий хрип насосов, Последний вырвался канат из рук матросов; Заходит солнце, с ним надежды слабый луч» [16, с. 15].

Как видим, у Мицкевича находим названия: **statek**, **wóz** – **возок**, **łódka** – **ладья**, **okręt** и **statek** в переводе – **корабль**, а также названия снастей, с помощью которых представлена разбушевавшаяся стихия. Для поэта важны именно такие образы Айвазовского.

Возможно, что все представленные здесь примеры переводов, если не прямо, то косвенно, достаточно полно проливают свет на передачу выразительными средствами русской поэтической речи богатство поэтического дарования Адама Мицкевича.

Сохраняя традиции Яна Кохановского с употреблением у него названия **statek**, **okręt**, **nawa**, **korab'** и языка XVII века Я.-Х. Пасека тех же с добавлением **dubas** и проч., А. Мицкевич добавляет свое понимание в употреблении морской терминологии, глубоко поэтизируя ее.

Библиографический список

1. Военно-морской словарь для юношества / под общей ред. П. А. Грищука. – М. : ДОСААФ, 1988. – 560 с.
2. Гавкин, И. И. Краткий словарь иностранных слов / И. И. Гавкин. – СПб. ; Киев ; Харьков, 1912. – 745 с.
3. Газета «Северная пчела». – СПб., 1859. – № 223.
4. Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка / В. Даль. – СПб., М., 1880. – Т. 1.
5. Кохановский, Я. Стихотворения. Перевод с польского и латинского / Я. Кохановский. – М. : Худ. лит., 1980. – 191 с.
6. Настольный словарь по всем отраслям знания / под ред. Ф. Толля и В. Р. Зотова. – СПб., 1863. – Т. II.

7. Сенкевич, Г. Огнем и мечом : собр. соч. в 8 т. / Сенкевич Г. – Тула: НПЦ «Арктоус», 1993. – Т.3.
8. Стыпула, Р. Новый польско-русский словарь / Р. Стыпула, Г. В. Ковалёва. – 2-е изд., стереотип. – М. : Рус.яз. – Медия, 2005. – 722 с.
9. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер. – М. : Прогресс, 1986 – 1987. – Т. 1 – 4.
10. Шетэля, В. Средства религиозного выражения в переводе на польский язык псалмов „Psalterza Dawydów” [«Псалтыря Давыдова»] поэта XVI века Яна Кохановского / В. Шетеля // Русский язык в славянской межкультурной коммуникации: материалы Международной научной конференции, посвященной памяти доктора филологических наук, профессора Войловой К. А. (г. Москва, МГОУ, 25 февраля 2021 г.) / отв. ред. О. В. Шаталова. – М. : Принтика, 2021. – С. 312–318.
11. Шетэля, В. Слово гондола в поэтической строке В. Я. Брюсова и И. А. Бунина // Слово и культура без границ: аксиологический аспект: сборник статей / ред. кол.: О. П. Кормазина (отв. ред.) [и др.]. – Владивосток: Изд-во Дальневосточного федерал. ун-та, 2022. – С. 84–86.
12. Этимологический словарь русского языка / под рук. и ред. Н. М. Шанского. – М. : Издательство Московского университета, 1982. – Вып. 8. – 470 с.
13. Boryś, W. Słownik etymologiczny języka polskiego / W. Boryś. – Kraków : Wydawnictwo Literackie, 2005. – 863 s.
14. Brückner, A. Słownik etymologiczny języka polskiego. Wyd. 8. / A. Brückner. – Warszawa: Wiedza Powszechna, 1998. – 805 s.
15. Kochanowski, J. Dzieła polskie / J. Kochanowski. – Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1953. – Т. 1 – 3.
16. Mickiewicz, A. Sonety Krymskie / A. Mickiewicz; z polskiego przetoczył O. Rumer. – М., 1948. – 59 s.
17. Miłosz, Cz. Historia literatury polskiej do roku 1939 / Cz. Miłosz; przetoczyła M. Tarnowska. – Kraków: ZNAK, 1996. – 526 s.
18. Pasek, J.- Ch. Pamiętniki (Wybór) : Lektura z opracowaniem Maciosa T. / J.- Ch. Pasek. – Kraków: Wydawnictwo Zielona Sowa, 2007. – 176 s.
19. Sienkiewicz, H. Ogniem i mieczem. Powieść. / H. Sienkiewicz. – Warszawa: PIW, 1960. – Т. I – II.

УЗБАГАЧЭННЕ МЕНТАЛЬНА-МОЎНАЙ ПРАСТОРЫ БЕЛАРУСІ ПРАЗ ІНТЭРФЕРЭНЦЫЮ ДЫСКУРСАЎ

В. Ю. Шыманская (Мінск, Беларусь)

У апошнія дзесяцігоддзі ў сувязі з ростам інфарматызацыі грамадства і пашырэннем доступу карыстальнікаў сёцківа да навукова-папулярных, навуковых і публіцыстычных рэсурсаў назіраецца больш частае і рэгулярнае ўжыванне псіхалагічнай тэрміналогіі ў неспецыяльных тэкстах. Звяртаючы ўвагу на ментальна-моўныя канцэпты, звязаныя з псіхічнымі працэсамі і станамі (мысленне, пачуцці і пад.), вучоныя ўказваюць на трансфармацыю парадыгмаў камунікатыўнай дзейнасці [3, с. 20]. У межах лінгванканцэпталогіі зроблены высновы пра паступовы пераход “ад інфармавання да фарміравання карціны свету сродкамі масавай інфармацыі” [3, с. 22], сцвярджаецца, што медыятэксты не толькі адлюстроўваюць наяўныя ў грамадстве працэсы і ўстаноўкі, але і ўплываюць на маўленчыя практыкі, паводзіны і кагнітыўныя мадэлі носбітаў мовы [3, с. 26-27].

Дзяржаўная праграма навуковых даследаванняў Рэспублікі Беларусь на 2021–2025 гады накіравана на забеспячэнне бяспекі Беларускай дзяржавы, у тым ліку сацыяльнай і псіхала-